

Ольга Ельдекова

Родилась в 1957 году. Окончила Томский геологоразведочный техникум и Горно-Алтайский государственный университет, факультет филологии. Работала техником-геофизиком, экскурсоводом, заведующей библиотекой. С 2008 года руководитель Майминского литературного объединения «Лира». Автор и составитель нескольких литературных сборников.

ЗАВЕТНАЯ ТЕТРАДКА

Легкий ветерок донес запах, как ей показалось, свежей осины, когда весной ее распиливают на чурки. Открыв глаза, Олечка увидела над собой участливо склоненные стволы берез, покачивающих косматыми темными шевелюрами. Сквозь них просачивалось что-то нежное, синее, завораживающее. Да это небо!

Олечка лежала и любовалась этой весенней картиной, пока не почувствовала холодок на спине. Оглядевшись, поняла, что лежит в большой мартовской луже. Это был ее первый обморок. Потом были скучные походы по больницам, которые закончились заточением в детский санаторий где-то под Барнаулом.

Пансионат запомнился Олечке обязательной ежедневной утренней зарядкой, пельменями, купающимися в желтом масле и волшебным гематогеном, который ей иногда давали на кубик больше, чем другим. В свободное от процедур время она сидела на подоконнике. Вот тогда в ее руках появилась та заветная зеленая ученическая тетрадка, в которой она что-то старательно

записывала. Когда к девочке подходили ребята, Олечка мгновенно захлопывала ее, прижимала к себе, как сокровище, и равнодушно отворачивалась, делая вид, что смотрит в окно. Они мешали ей сочинять стихи. Мальчишки уже несколько раз пытались отобрать тетрадку. Но Олечка тут же поднимала такой рев, что те убежали, и вскоре потеряли к ней интерес.

А за окном чужое счастье: шныряли по своим делам собаки, важно прохаживались разноцветные кошки, спешили с сумками чьи-то мамы и папы, выносили мусор и судачили бабушки, катали на санках своих сестренек братья. Когда никого не было, она просто разглядывала, как дружно раскачивались на проводах-качелях льдинки. Олечка даже слышала, как они разговаривают.

Так рождались ее первые стихи. Она записывала их в аккуратные столбики, чтобы было все, как у настоящих поэтов.

Стихи были о том, как ее, укутанную до глаз в пуховую шаль, везет мама, а сбоку бежит брат, время от времени помогая маме вытаскивать застрявшие в сугробе санки. Как они с бабушкой выносят на полянку возле дома-избушки большое лоскутное одеяло и подушки и спят прямо здесь, под небом, которое все утыкано подмигивающими звездочками. Про кур, которые не хотят спать в курятнике, а мостятся на березу, рассаживаясь чинно под окрики строгого петуха. Про теплые лужи после дождя на изумрудно-зеленой траве, по которым они с соседскими ребятами бегают босиком. Про то, как она поставила пластилиновых солдатиков брата на горячую печку погреться, а они взяли и растаяли. Но больше всего ей нравилось стихотворение о том, как они с братом исследовали длинного червяка, разглядывая его в увеличительное стеклышко, а он в это время разглядывал их.

А еще было стихотворение о том, как она толкнула брата, а он наткнулся спиной на гвоздик, торчащий в стене. Она горько плакала, увидев каплю крови, а брат успокаивал, говоря, что это совсем не больно, но Олечка знала, что больно, ведь врачи часто прокалывали ей пальчик, чтобы намазать кровь на стеклышко, а потом смотреть через него на солнышко.

Но вот и к ней пришло долгожданное счастье, вернее, приехало за ней в виде папы. Он привез ей новое пальто и шапку. Шапка была мальчишеская, но это не омрачило ее счастья. Она схватила

папу за руку и не отпускала до тех пор, пока не сели в поезд. Теперь уже можно и отпустить — папа никуда не денется!

Олечка долго ждала, когда улягутся спать соседи по купе, — ей не терпелось показать свою тетрадку. Она живо представляла, как отец обрадуется, как будет всем с гордостью рассказывать, что его дочь стала поэтом.

— А ну-ка, давай, читай! — сказал он, узнав ее секрет.

Олечка читала громко и очень выразительно, старалась, чтобы папе понравились стихи. Но он смущенно покосился на верхнюю полку, на которой лежала расфуфыренная тетя, улыбающаяся противно-сладко.

— Ну, ладно, все, хватит! — сказал папа, не дослушав на самом интересном месте. Там, где было про червяка. — Давай спать, пора, завтра рано вставать.

Олечка послушно легла, а ночью ее щуплое тельце долго сотрясалось от удушающих рыданий. Удушающих, потому что она плакала в подушку, чтобы не слышал папа и противная попутчица с бровями домиком.

Утром случилось непоправимое. Галине Васильевне, так звали попутчицу, было не во что завернуть недоеденную курицу. На глазах онемевшей от ужаса дочери, папа вырвал несколько листов из заветной тетради и отдал. До конца пути Оля молчала и думала, что никогда больше не будет писать стихи.

Дома чувствовался праздник. Все ждали Олечкиного приезда. Мама сшила ей красивое зеленое платье. В этой зелени благоухали цветы и порхали бабочки. Брат слепил из пластилина Дюймовочку и посадил в середину маминой китайской розы. А еще он купил ей на накопленные деньги фонарик. Бабушка испекла любимые пирожки с клубникой. Папа то и дело нежно гладил по голове.

Ночью, лежа под теплым бабушкиным бочком, она слушала рассказы про ее тяжелую, но счастливую молодость, потом не удержалась и рассказала про тетрадку.

— Внученька, почитай, золотко, ох и люблю я стихи, — призналась бабуля.

При свете фонарика Олечка читала одно стихотворение за другим. Бабушка колыхалась от беззвучного доброго смеха, искренне

удивляясь хитрости и рассудительности червяка; неподдельно охала, опасаясь за беспечные льдинки, раскачивающиеся на проводах.

Когда она уснула, в окно к Олечке заглянула улыбающаяся луна. А вместе с ней откуда-то с неба скатились строчки стихотворения, с которого началась ее новая жизнь.

УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

У подружки Зинки был всего один недостаток — она любила поспать, разбудить ее стоило большого труда и нервов.

Часов в семь утра Надька уже стоит под их дверью и прислушивается — спят или проснулись? Услышав шорохи, осторожно стучит. Дверь тихонько открывается.

— Заходи, буди, может, хоть ты разбудишь, — с надеждой говорит Эльвира Степановна, Зинкина мама.

Надька скромно протискивается в неохотно приоткрытую входную дверь. Входит в комнату к подруге и уже не удивляется, что подушка может быть на полу, а сама она лежать на кровати по диагонали или «вверх тормашками» — ногами на подушке.

Пытается вразумить сначала словами, уговорами, шантажом — все бесполезно. Трясет, как грушу, хлопает по щекам, щечечет пятки — не реагирует. Зажимает нос пальцами — начинает дышать ртом. Наконец догадывается: бросает на лицо подушку и наваливается всем весом. Какое-то время тишина, потом выныривает всклокоченная, недовольная Зинкина физиономия.

— Ты что?!

— Вставай, там пацаны ждут, в футбол играть!

Глаза у Зинки постепенно проясняются, но Надька уже знает, что надо быть начеку — уснет, моргнуть не успеешь! И она продолжает тормозить, сдергивать одеяло, рассказывая при этом всякие смешные небылицы, придумывая их тут же на ходу. Наконец, Зинка просыпается и неохотно встает.

— Пока не помоешь пол и не допечешь блины, не смей никуда ходить, — входит строгая мать, учитель начальных классов.

Надьку выпроваживают, но как только Эльвира Степановна скрывается за поворотом, она опять у Зинки. Они моют пол, пекут блины, съедают один напополам, чтобы недостачу не заметила мама. И вот с чувством выполненного долга бегут играть.

Сегодня для начала по плану спуск на связанных простынях из коридорного окна второго этажа, потом, когда соберутся две команды, — футбольный матч. Зинка — вратарь, Надька — нападающая.

Простыни нашли, связали. Операция прошла восхитительно! Правда, Надьку, болтающуюся между этажами, увидела тетя Катя из четвертой квартиры. Конечно, рассказала Зинкиной маме, с какой плохой девочкой дружит ее дочь, и Зинке влетело.

На следующий день подруги обследовали все чердаки близлежащих многоэтажек. Ничего особенного. На одном — знакомые пацаны играли в карты. На остальных было спокойно. Когда слезали по лестнице, их увидела тетя Маша.

Каждый вечер Зинку допрашивали: «Что вы делали на чердаке?! Зачем лазили в подвал? Кто тебя загнал на березу!? Это опять Надькины идеи! Не дружи с ней! Из примерной отличницы ты уже скатилась до хорошистки! Тебе что, других девочек мало во дворе?»

Но наступало утро, и тихий стук в Зинкину дверь повторялся с завидной настойчивостью.

А после одного, как выразилась Зинкина мама, вопиющего случая дверь для Надьки перестала открываться совсем. Но подружки находили время и места для встреч.

Как-то Надьке попала книжка про жизнь В. И. Ленина в далеком заснеженном селе Шушенское. Вечерами она рассказывала Зинке о том, как он учил деревенских ребятишек читать и писать, как катался с ними на коньках на речке.

— В Шушенском есть музей! Вот бы побывать там! — поделилась новой идеей Надька.

Несколько месяцев они вынашивали этот план, к Новогодним каникулам он окончательно созрел. Родителям было написано письмо, в котором категорично сообщалось: «Мы уехали в Шушенское, в музей Ленина, к началу занятий в школе вернемся. Не волнуйтесь, все хорошо. Ваши Надька и Зина».

Утром письмо отдали соседской девочке с наказом вручить только к вечеру, а то не дадут съездить. Взяв с собой заранее приготовленные припасы — два новогодних подарка и скопленные на автобус до Бийска деньги, — возбужденные от предстоящих открытий, долгой дороги — только на автобусе ехать 100 км — счастливые, они помчались на остановку.

Город встретил толкотней и январским холодом. Девочки зашли в привокзальную столовку, денег хватило только на чай, но это не смутило. У них же были конфеты!

Потом они бродили по привокзальной площади, долго толкались у касс. Поняв, что денег на билеты не хватит, решили ехать на товарняке. Оделись предусмотрительно тепло: шапки, шарфы, штаны, натянутые на валенки, чтобы не попал снег и ноги не промокли. Надо было только разузнать, какие вагоны пойдут точно в Шушенское. На товарняках надписей не было.

Смеркалось. Мороз крепчал, конфеты закончились. Какой поезд пойдет в Шушенское, решили спросить у тетеньки, которая встречала все поезда. Узнав их планы, она позвала их к себе в будку, налила чаю, дала булочки. Никогда еще таких вкусных булок девчонки не ели! Пока они их уплетали, женщина нарисовала им картинку: «Хорошо, я посажу вас в товарный вагон, который пойдет в ту сторону, но ехать он будет два дня и две ночи. Печки там нет, кровати с одеялом тоже, даже крыши нет. Вы замерзнете, и кто-нибудь найдет два ваших окоченевших трупа. А дома родители уже прочитали письмо, и им стало плохо с сердцем, подскочило давление. Возможно, они уже попали в больницу из-за вас».

При этих словах Надька с Зинкой переглянулись — такого расклада событий они не предполагали.

«В Шушенское вы еще съездите, когда вырастете, а родителей надо ехать спасать!» — категорично заявила тетя Валя.

Спасать родителей подружки бросились дружно. Сели «зайцами» на первый попавший автобус. Оказалось, что шел он только до половины пути. Но они были рады и этому. Километров десять бодро шли, заиндевевшие, ночью по дороге. Наконец, первая проезжающая машина остановилась, их посадили в темную будку. Надька нащупала, лежащие на полу лопаты: «Бери, друг — бандиты! Отбиваться будем!»

Хорошо, что отбиваться не пришлось. Дома у Надьки пахло валерьянкой, бабушка держалась за сердце. Было жаль ее до слез. Зинка получила от брата подзатыльник: «Идите в милицию, родители туда убежали». Потом были слезы родных и строгие нравоучения от дежурного милиционера, в глазах которого почему-то сверкала веселая искорка. Поездку в Шушенское Надька наметила годков эдак через десять.

Теперь они как могли старались не огорчать родителей — и учиться получше, и в библиотеку ходить, и поручения выполнять беспрекословно.

Однажды Надька с удивлением увидела, что Зинка, выйдя из библиотеки, достала из-за пазухи книжку и победно опустила ее в сумку к остальным книгам.

— Ты что — украла? — ужаснулась Надька.

— Нет, взяла. У них там еще такие есть, а у нас — нет. Захочешь почитать — возьмешь у меня, — щедро пообещала Зина.

Надька не любила брать чужое. Так уж ее научили с детства. Разве что ранетки в чужом саду, через забор могла дотянуться и сорвать. Ходить с Зинкой в библиотеку расхотелось. В магазин тоже — подруга частенько выносила то, что плохо лежало. Зато училась Зинка почти на одни пятерки. Иногда Надька прибегала к ней, чтобы списать задание по алгебре. С химией тоже было много непонятного. Как-то раз они решили провести испытание, которое, как им казалось, открыло бы глаза на этот предмет. Надька достала реактивы. Сделали все, как было описано в учебнике. Но что-то пошло не так. Взрыв произошел в тот момент, когда вошла Эльвира Степановна. С тех пор, когда бы Надька ни пришла за подругой, ответ был один: «Ее нет дома». Делать уроки и ходить вместе в школу Зинка стала с одноклассницей Любой. До самого последнего момента Надька надеялась, что Зинка одумается, и они помирятся, хотя они и не ругались. На выпускном, когда им выдали документы об окончании школы, Эльвира Степановна подозвала ее и попросила показать аттестат.

— Да... Две тройки: алгебра и физика. Еще и удовлетворительное поведение! А моя Зина окончила школу без троек, и поведение — отличное! И у подружки ее, Любы, поведение — «отлично»!

В Надькиной жизни было еще много друзей и знакомых. Со временем одни уходили, оставляя в ее сердце тепло, другие проплывали мимо холодными тенями. Она принимала это как должное. Только романтика и доля авантюризма были верны и всегда оставались с ней.